

РАССКАЗЫВАЮТ: критик пригласил к себе писателя. Хозяин, как и положено, взяв на себя роль тамады, предлагал тосты поочередно за всех гостей. Дошла очередь и до писателя. И тут вместо обычной здравницы прозвучал критический монолог. Никто этого не ожидал, а тем более писатель. Обиженный, он встал и собрался уходить. «Погоди, — остановил его критик. — Я хвалил тебя всюду — на собраниях, литературных вечерах, в прессе. Так позволю же хоть у себя дома сказать всю правду».

Эта современная притча, родившаяся в наших литературных кругах, может вызвать только грустную улыбку, так как являет собой отражение весьма конкретного положения дел, до недавнего времени бытовавшего в республике. Не всегда в чести было смотреть в глаза правде, выискивались броды помельче, и выработался своеобразный постулат, «оправдывавший» сделку с совестью: творцы, мол, люди ранимые, зачем обижать человека?

Выйти на столбовую дорожку искренности, самокритичности, трезвости в оценках и делового анализа, как и всегда, помогла партия. Она последовательно разметала, как карточный домик, угодничество, протекционизм, дав негативным явлениям принципиальную партийную оценку.

Ныне в республике веет свежий ветер перемен. Ощущил его здоровое дыхание и театр. В числе прочих и Государственный русский драматический театр имени Грибоедова. Он на редкость богат добрыми традициями (русская труппа в Тбилиси имеет почти 130-летнюю историю). Однако последние сезоны вряд ли кто может назвать удачными. Довольно долго творческая погода в коллективе была капризной. Это стало одной из причин того, что одиннадцать перспективных выпускников театральных училищ оставили театр.

Другая причина, тоже весьма существенная, — отсутствие элементарных условий для работы. Вот уже много лет театр ютится на положении пасынка в Доме железнодорожника, а строительству его нового помещения не видно конца. Почему? И театр, и зрители ждут ответа на этот вопрос.

Так или иначе существовал целый комплекс серьезных проблем — творческих и организационных, когда молодой режиссер Александр Товстоногов откликнулся на предложение возглавить труппу театра, в котором 35 лет назад его ныне прославленный отец сделал первые шаги в искусстве.

Да, решимости А. Товстоногова можно было позавидовать. И вместе с тем трудно было представить, как сориентируется в такой обстанов-

ке неопытный, незакаленный в жизненных и творческих бурях дебютант — главный режиссер.

В общем-то, вероятно, у него был единственный путь: опереться на силы коллектива, определить его возможности и приспособить к ним свои планы и новый репертуар.

Он начал с Шукшина и Вампилова.

Что говорить, поначалу нередко возникал вопрос: а верно ли поступил Товстоногов-младший, обратившись прежде всего к их произведениям? Сейчас уже можно ответить утвердительно. Творчество этих авторов про-

Не станем вдаваться в подробный анализ спектаклей, сделанное — лишь стартовый этап на пути к большому результату, которых мы вправе ждать после столь серьезной заявки. Но уже сейчас можно твердо сказать, что при сценическом воплощении литературного произведения режиссер не обходит в угоду театрализации или сценической динамике его психологических глубин. Здание постановки строится на контрастах и неожиданностях, но предстает в художественном единстве. Каждая деталь является как плод раздумий и вдохновения.

миста, в третьей автор дает собственное резюме. Инсценировать повесть-диалог легко лишь на первый взгляд, и здесь театр столкнулся с неожиданным и очень серьезным препятствием. В третьей, заключительной части, где красной нитью прочерчена авторская позиция, действие не желало вписаться в рамки спектакля, приспосабливаясь к своеобразным и жестким канонам сцены, обойти которые было попросту невозможно.

Чтобы произведение не утратило напряженной драматургической кульминации финала, следовало искать

ра обладеживають. А основное: грибоедовцы верят ему и с радостью идут за ним.

Но именно с первых шагов коллективу театра важно отчетливо представить себе, каков же будет дальнейший путь. И тут-то возникает в комплексе вопросов один, может быть, важнейший: в чем вообще заключается миссия русского театра в национальной республике? Конечно, русские труппы, будь то в Тбилиси, Ереване, Риге или Ташкенте, обязаны знакомить местного зрителя с лучшими образцами русской и советской, а также зарубежной драматургии, то есть делать то же дело, которым призваны заниматься и русские театры РСФСР. Но есть ведь здесь своя специфика. В чем она?

Я думаю, в том, что здесь одновременно должны проходить два процесса. Если считать русский театр в братской республике полномочным представителем такого грандиозного общественного явления, как русский театр в целом, то, с одной стороны, он должен обогащаться самыми высокими достижениями советской сцены, а с другой стороны, вбирать в себя и то лучшее, что появляется в драматургии «своей» республики. Ориентируясь на лучшие образцы русского и мирового театрального искусства, он не может стоять в стороне от жизни. Это аксиома. И вряд ли можно признать естественным тот факт, что лишь немногие пьесы широко известных сейчас драматургов Г. Нахуришвили, К. Буачидзе, Н. Думбадзе, О. Иоселиани и других, появившиеся на союзной сцене после успеха в грузинских театрах, вернулись домой, на русскую сцену. Причем вернулись с огромным опозданием.

Такой точки зрения придерживается и А. Товстоногов. При постановке пьес национальных драматургов на русской сцене республики главное — не этнографические открытия, разумеется, а подлинно партийное, страстное вторжение в окружающую зрителя действительность, осмысление ее явлений и процессов с гражданских, общесоветских позиций. Именно так понимает эту часть стоящих перед ним задач молодой режиссер.

Его позиция подтверждается перспективными планами театра. В числе ближайших работ — постановка пьес местного драматурга К. Буачидзе, отличающихся злободневностью тематики, в портфеле театра — произведения советских, в том числе грузинских драматургов, отражающие важные проблемы общественной и духовной жизни страны.

Амиран АБШИЛАВА,
драматург.
ТБИЛИСИ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

низано высоким пафосом идейно-нравственных и моральных требований современности, как нельзя лучше отвечающих и нашим насущным задачам. Шукшин и Вампилов — глубоко русские по духу художники — прилипли ко времени и к обстановке, так как их своеобразное, во многом различное художественное видение объединяется страстным нежеланием обходить острогу проблем.

Шукшин и Вампилов — писатели сложные, многоплановые, и поэтому невольно думалось: учел ли режиссер творческие возможности труппы, когда взялся ставить нелегкие и во многом необычные для этого театра произведения? Тем более что возможности эти молодой главный познавал, что называется, на ходу — от постановки к постановке. И вот за девять месяцев работы в театре — пять премьер. Случай беспрецедентный!

В «Энергичных людях» и «Точке зрения» Шукшина, в «Прощании в июне» и «Старшем сыне» Вампилова, в «Похоме на льва» Р. Ибрагимбекова грибоедовцы создали интересные, полнокровные образы. (И, отступая, добавлю, что теперь, если кое-где отдельные исполнители и не поднимаются до желаемой высоты, то воспринимается это уже не как привычная слабость, а как временный недуг. Подумать только, возникла даже волнующая проблема «лишнего билета»! Такого счастья театр давно не переживал). Зритель в спектаклях молодого режиссера узрел новизну, современность, оригинальность и, что важнее всего, прямое, без обиняков отношение к волнующим общество проблемам.

Посмотрим с этой точки зрения на то, как осмыслил режиссер «Энергичных людей». Прочтение на театре этой пьесы грозит возможностью упрощения темы до сюжетно-бытового, иллюстративного изображения. Но надо помнить, что Шукшин непререкаем и даже суров, когда дело касается принципиальности моральной и нравственной. Вслед автору идет и Товстоногов. Категоричность и взволнованность позиции постановщика определена позицией писателя, театр вершит жестокий суд над уродливым и отжившим, мешающим всему здоровому. Отрадно отметить, что за эту режиссерскую работу А. Товстоногов удостоен недавно первой премии Грузинского театрального общества.

Еще один шукшинский спектакль — «Точка зрения» — инсценировка одноименной повести-сказки. Грибоедовцы первыми взяли на себя смелость воплотить на сцене это сложное произведение. Режиссура требовала определенной осторожности: вольная трактовка хотя бы одного нюанса могла переакцентировать точно выверенный камертоном чуткого художника настрой произведения. Вся повесть-притча, по существу, от начала и до конца построена на диалогах. Часть первая — точка зрения на людей и события пессимиста, вторая — опти-

соответствующий театральный эквивалент. И он был найден. Иных удивила смелая фантазия режиссера, иным решение показалось слишком символическим, но прием этот решил дело. В обеих частях спектакля опускается сверху огромный ящик и перестраивается перед зрителем в комнату, где происходит действие. Ящик несет определенную функцию — это контейнер, на котором четко выведено «Не бросать». Символ? Разумеется. Режиссер подчеркивает — осторожно, здесь живут люди! «Контейнер» оказался и удачной постановочной рамкой. В финале, когда зритель единодушно принимает позицию автора, гневно осуждая обе одинаково неприемлемые «точки зрения», режиссер выводит из контейнера жилища действующих лиц и заключает в ящик и «пессимиста», и «оптимиста». Тут на ящике появляется новая надпись: «Выбросить». Такое решение точно передает гражданскую позицию автора и не вступает в противоречие с его стилистикой.

Есть, правда, в «Точке зрения» и просчеты. Главный — это дописанный для спектакля текст, пусть даже и помогающий актерам конкретизировать характеры. Думается, с текстом следовало обращаться бережнее, выдерживая и в инсценировке тот же стиль безусловного следования автору, что и в постановке.

Несмотря на множество видимых и подспудных препятствий, сегодня театр живет интенсивной, деятельной творческой жизнью. Рядом с молодежью по-новому стала выглядеть и старая актерская гвардия. Первые шаги молодого главного режиссе-

